В. А. ЖУКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

ТОМ ОДИННАДЦАТЫЙ

ПЕРВЫЙ ПОЛУТОМ

ПРОЗА
1810—1840-х годов

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
Ж 86

Томский государственный университет

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 16-04-16040

Жуковский В. А.

Ж 86 Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах / Ред. коллегия: И. А. Айзикова, Э. М. Жилякова, В. С. Киселёв, О. Б. Лебедева, Н. Е. Никонова, И. А. Поплавская, А. С. Янушкевич (гл. редактор). — Т. 11 (первый полутом): Проза 1810—1840-х годов / Ред. А. С. Янушкевич. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. — 1048 с.

ISBN 978-5-9908826-5-2

Полное собрание сочинений В. А. Жуковского впервые в эдиционной практике представляет наследие великого русского поэта в максимально полном на сегодняшний день объеме. Тексты Жуковского даны на основе критического осмысления всех известных автографов поэта и прижизненных публикаций.

В 11 томе (первый полутом) собрана проза Жуковского 1810—1840-х гг., включающая переводные и оригинальные произведения «промежуточных» жанров, от юмористической периодики и арзамасских протоколов 1811—1817 гг. до поздних публицистических сочинений 1845—1848 гг.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

На фронтисписе:
портрет В. А. Жуковского кисти К. Брюллова (1838)

© А. С. Янушкевич. Редакция тома 11, 2016
© Издательский Дом ЯСК, оригинал-макет, 2016

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

<ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИКА>

I

МУРАТОВСКАЯ ВОШЬ[1]

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
(Посвящается чувствительным душам)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОИСШЕСТВИЯ[2]

4-е Августа

В шесть часов пополудни прибыли передовые экипажи Муратовской императрицы[3]; рыдван с императором, мамушкою, с императорскою племянницею и с ассиситентами, запряженный шестью лошадями; линия с императорским архитектором[4], императорскою невестою, подвижным придворным алфавитом, Андреем, то есть Андрюшкою, пирогами, арбузом, дынею и Егором. Кибитка на двух клячах и одном Якове с полновесною бричкою и десятью дробными императорскими кружевницами; императорская телега на кобыле.

5-е Августа

День прибытия императорской фамилии в село Муратово.

7-е Августа

Софья благополучно открыла свои физические эксперименты, столь важные для распространения наук, в особенности касающихся до испытания природы.

8-е Августа

На горизонте нашем явилась комета, безхвостая и темная, светившая с 8-го числа по 21-е. Имя ей, по свидетельству славного Гершеля[5], Иван Гринев[6]. Эта комета светила, светила, да и провалилась.

20-е Августа

Высокоторжественный день рождения цесаревны Александрины[7]. Этот день, в который за пятнадцать лет перед сим природа украсилась одним из прелестнейших произведений, которое надлежит описать с величайшею подробностью, и мы как историки, желающие жить в потомстве, не пощадим своей силы. И так начнем, благословясь во имя трех Граций[8], прелестной Гебы[9], веселой Флоры[10], смехов, игр и царицы прелестной Венеры Анадиомены[11].

Утро было пасмурное; облака обещали дождь и не обманули, ибо шел дождь — но шел он не долго, а чтобы только доказать смертным, что небо, желая сойти на землю для того, чтобы видеть на ней своими глазами творение его достойное, рассудило обратиться в дождь и вымочить всю Муратовскую империю.

Муратовская комета ходила на пруд ловить рыбу и ничего не поймала, отчего и произошли на ней некоторые темные пятна, замеченные в телескоп Муратовскими астрономами.

В вечеру сего дня, т. е. в двадцатое число Августа была иллюминация; комета прохаживалась по зале и по хорам и светила безденежно; денежные свечки сияли, как рублевые; огненные фонтаны сбирались бить высоко да раздумали; ракеты ползли окарячь; а учредитель фейерверка плюнул да прочь пошел.

На следующий день был дан, в императорском дворце, для всех чинов Муратовских бал.

На цветущем лугу, при веянии Зефира, несколько уже устаревшего, — в виду колоссальных качель и миниатюрной кухни поставлены были столы — один стол для кавалеров, другой для дам — съехались гости и сели за столы дубовые; заметнейший между ними был широкий *Медовые уста*; кузнец нос серпом, утиные глаза; и заслуженная статс-дама Антипьевна. Надобно заметить, что перед обедом императрица допустила всех к ручке и принимала обычные дани цыплятами, пирогами, поросятами, гусями и индейками. Угощал посетителей Григорий Дементьевич[12] в синем сюртуке с большими пуговицами, которые сияли на нем, как звезды на сапфире небесном.

После обеда было представление разных квилибрических равновесных квилибрий; между тем прочим один безымянный посетитель представлял падение Фаэтона[13], а на пороге глиняную кошку, которая кивает головою[14]. За сим следовал великолепный балет, сражение Горациев и Куриациев[15]. Главными действующими лицами были Рязанец и Муратовский староста. Первый представлял Горация, последний Куриация; Антиповна была Камилла[16]; Дементьевич дирижировал оркестром.

Потом все посетители пошли к императорским качелям. Качались, болтали, прыгали и пели следующую похвальную песнь Императрице и ее придворному штату:

Слава Матушке Афанасьевне, слава вечная пирогам ея!
Слава Марье Андреевне в фартуке, слава!
Слава Александре Андреевне и с кудряшками, слава! и пр.

II

<ПРОГРАММА, ПИСАННАЯ РУКОЮ В. А. ЖУКОВСКОГО[1]>

Сего 1811-го года, в рассуждении 31-го числа августа, хвостообразного распространения некоторых светил и еще некоторого интересного рождения, прибывшие сюда недавно: японский иностранец, курьозник первого градуса и дистиллатор магических появлений Пильферер Магнус; профессор физических треволнений Франц Мамзелиус и демонический гадатель или лучше сказать исправник двойственного протяжения Барнабас Пафнутьевич имеют честь объявить с надлежащим упоением, что они намерены, не в пример другим и без малейшего отношения к безыменным качествам атмосферического отрицания, угостить различными кукольными, карточными, политическими, чудными и даже неизгладимыми курьезностями лицезрение черньскиих обоюдных посетителей[2]. Сии расторопности должны представлены быть в следующем порядке:

1-я штука: *турок*, не говоря о прочем.
2-я штука: *мешкообразные карманности* или с позволения сказать записные книжки, произведут всеобщее удивление.
3-я штука: представится не замок Армидин[3], не побиение вифлеемских младенцев[4], не суд Соломонов[5], не конь Буцефал и Александр Великий[6], но *яишница в шапке*, к утешению сердца и к убеждению рассудка.
4-я штука: *кучка проса* отправится путешествовать по обещанию в оставление грехов и в обиду другим.
5-я штука: *мельница*, сетующая о мельнике, или Утешение кающегося.
6-я штука: *червонцы самоходы*, или Удивление без пошлины.
7-я штука: *стакан* не болван, и вода не беда, или пей не робей себя не облей.
8-я штука: *карта* в ложке, а сердце в лукошке.
9-я штука: *храм любви* или как хочешь назови.
10-я штука: *червонцы*, обращенные в жидкое золото, которое само собою выходит из рудника.

Начало для Симметрии откроется в ту минуту, когда новоприбывшая небесная фокусница Комета Ивановна Долгохвостова начнет показывать луне и звездам свои различные капризы и проформы.

Цена за вход. С дам: по одной улыбке с половиною и по одному нежному взгляду исподлобья.

А с мужчин по свежему коренному зубу.

III

МУРАТОВСКИЙ СМОРЧОК

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО, ЛИТЕРАТУРНОГО, ЭКОНОМИЧЕСКОГО, ИСТОРИЧЕСКОГО И ГЕОГРАФИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ И ПР.

№ 1. Сент<ября> 19[1]

О цели сего издания
и
его употреблении

I

Цель или содержание Муратовского сморчка

1. ***Политика.*** Под сей статьей будут содержаться все происшествия политические, касающиеся до двух враждующих народов, известных в Муратове и населяющих обширные страны по ту сторону и по сию сторону печки с очагом, одни под именем *Пупистов*, другие под именем *Печенегов*. Военные и мирные трактаты; реляции о сражениях, речи генералов, декларации и прокламации входят естественно в состав этой важной статьи.

2. ***География.*** Отрывки — о положении, границах и климате Муратовской империи; нравы различных народов, ее населяющих, и прочее и прочее.

3. ***История.*** Отрывки из древней и новой истории Муратова и его правительства.

4. ***Экономия.*** Известия о подвигах Григория Дементьевича и Акулины Ивановны.

5. ***Словесность.*** Стихотворения и прозаические отрывки.

6. ***Известия.*** Некрология; дневные происшествия; новые изобретения; театр; новые книги; анекдоты; открытия; острые слова и пр.

7. ***Бюллетени.*** Об успехах Комиссии о построении Муратовского дома[2].

…==========…

II

Употребление сих листов — самое скромное; об нем говорить почитаем за излишнее, предполагая в наших читателях довольно догадки и знания обычаев.

…==========…

19 сентября

…==========…

ПОЛИТИКА
Известия и замечания

…==========…

Главная квартира Генералиссимуса Печенегов *Александра Муратовского*[3], великого Герцога Трех граций, Барона любезности, Гроссмейстера ордена красоты, находится по сие время на том же месте, т. е. под правыми хорами у третьего столба.

Маршал его *Василий Высокий*[4], кавалер ордена трех печенок[5], кардинал и настоятель аббатства старых париков — недавно присоединился к нему с своим корпусом, который речью при нем может одерживать те блистательные победы, которыми доселе славился.

Неприятель стоит в окопах. Предводитель его *Мария*[6], королева и самодержавный обладатель всех прелестей, наследник и великий князь малой, средней и большой любви и достойностей (земли малонаселенной, но весьма важной), маркиз добродетели и кавалер рыжей коровы с [длинными?] корнями.

Первый по нем и славный своею тактикою, но весьма неудачный практикою, фельдцейгмейстер, *Альфабет Косматый*[7], генерал умный и деятельный, но вечно побеждаемый в сражениях с *Александром Муратовским* — находился при армии, но он по сие время не излечился еще от ран. В одном сражении разорвало над головою его огромный сальник и так несчастливо, что все пришлось в лицо: и теперь на лице его маска из бараньего желудка.

СМЕСЬ
Дневные происшествия

…==========…

Атмосфера нынешний день была вообще чиста. Впрочем наблюдатели заметили некоторые необыкновенные явления. На полосе, занимаемой кочующим народом: *Пузыпями*, *Пупызями* и *Пузотами* или по уверению известного географа Птоломея[8] *Пужотами*, слышался, без всякого изменения в атмосфере, гром иногда быстрый, иногда раскатистый, иногда соединенный с некоторым шипением. Некоторые наблюдатели натуры чувствовали после него серный запах, в котором ощутительно было нечто похожее на обыкновенную огородную <нрзб.>.

…==========…

Григорий Дементьевич ходил целый день в тулупе и башмаках.

Козловский поп[9] впервые от роду пил воду; и астроном его прихода, Широкой, предсказывает наверное светопреставление по первой зиме.

…==========…

Ода[10]

Тебя хочу я днесь прославить
Глупцам, насмешникам назло
И выше матери поставить,
Муратово село.
Аркадии ты нам милее!
В тебе и тихо, и светло;
В тебе веселье веселее,
Муратово село.
В тебе есть мельник, дом высокой,
И пруд блестящий как стекло,
И полуостров преширокой,
Муратово село.
В тебе Жуковский баснь склоняет,
Хоть неискусен он зело,
Тобой Дементьич управляет,
Муратово село!

АРЗАМАССКИЕ ПРОТОКОЛЫ И РЕЧИ

1.

ПРОТОКОЛ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ЗАСЕДАНИЯ 14 ОКТЯБРЯ 1815 г.

В лето первое от Липецкого потопа[1], в месяц первый от Видения, по обыкновенному летосчислению 1815 года, месяца Паздерника[2] в 14 день, было первое совещание арзамасцев, и возобновление Арзамаса совершено следующим образом:

Один из членов читал собравшимся братиям речь[3], в которой доказывал им необходимость с о е д и н и т ь с я, дабы в том горестном странствии между халдеями[4] Беседы и Академии, на которое осудило их небо, сохранить во всей чистоте любовь к незабвенному Арзамасу. Члены внимали красноречивому другу своему с растроганным сердцем; слезы воспоминания блистали в глазах их, и каждый в душе своей говорил вместе с Давидом[5]: «О Арзамас! если забуду тебя, да будет забвенна десница моя! и пр.». Но все зарыдали, когда увидели драгоценную красную шапку[6], некогда украшавшую главы их под светлым арзамасским небом, уединенно лежащую на столе и ожидающую в смирении, какая счастливая голова в нее водрузится. Между тем оратор читал неутомимо, а сыны Арзамаса внимали умиленно. Он умолк, и молчание долго царствовало между собеседниками — молчание красноречивое! Все были воображением в Арзамасе, перед тем ветхим столом, на котором так часто появлялся вкусный потрох[7], в виду той перегородки, которой незабвенная дыра познакомила их с миром духовным[8]. Наконец все единогласно воскликнули: «Да воскреснет Арзамас и да расточатся враги его!»

Засим начиналось совершение таинства обновления: шесть присутствовавших братий торжественно отреклись от имен своих, дабы означить тем преобразование свое из в е т х и х арзамасцев, осквернённых сообществом с халдеями Беседы и Академии, в н о в ы х[9], очистившихся чрез потоп Липецкий. И все приняли на себя имена мученических баллад, означая тем свою готовность: 1-е, потерпеть всякое страдание за честь Арзамаса, и 2-е, быть пугалами для всех противников его по образу и по подобию тех бесов и мертвецов, которые так ужасны в балладах.

Да останутся имена ветхих арзамасцев в забвении, имена же арзамасцев преображенных суть следующие: Их Превосходительства[10]

1. Чу!
2. Старушка.
3. Кассандра.
4. Громобой.
5. Эолова Арфа.
6. Светлана.

Засим последовало избрание председателя и секретаря, и по жеребью досталось быть:

Президентом: Его Превосходительству члену *Старушке*.

Секретарем: Его Превосходительству *Светлане*.

Потом единогласно избраны в ново-арзамасцы четыре отсутствующих ветхих арзамасца[11], коих имена внесутся в общий список только тогда, когда они пройдут через которую-нибудь из мученических баллад и от нее заимствуют те таинственные каракульки или буквы, из коих каждое имя должно быть составлено.

Сделаны некоторые предварительные постановления:

1. Общество принимает на себя имя *Нового Арзамаса*.

2. Находя невозможным перенести отечественный Арзамас с тех благословенных берегов, на которых утвердила его рука судьбы с помощью нескольких плотников, каменщиков и печников, положено признавать Арзамасом всякое место, на коем будет находиться несколько членов налицо, и сие место, какое бы оно ни было — чертог, хижина, колесница, салазки,— должно именоваться во все продолжение заседания *Новым Арзамасом*.

3. Принимается в члены только тот, кто оказал какую-нибудь услугу Новому Арзамасу, и он не иначе избирается, как всеми членами единогласно.

4. Девизом Общества по предложению его превосходительства Старушки избран стих одного покойного арзамасца: Les sots sont ici-bas pour nos menus plaisirs*[12].

5. Все халдеи Беседы и Академии навсегда исключены из Ново-Арзамаса. Если же по какой-нибудь особенной причине и захотят члены усыновить халдея, то он непременно должен себя очистить по особенно учрежденной форме.

6. День возобновления Арзамаса положено праздновать ежегодно.

7. Общество должно иметь каждую неделю *одно* заседание[13].

8. В конце каждого заседания избирается президент, который и назначает день заседания следующего и место, где оно быть имеет.

---

* Глупцы живут на земле для наших маленьких радостей (*франц.*).

9. По примеру всех других обществ каждому нововступающему члену *Нового Арзамаса* надлежало бы читать похвальную речь своему покойному предшественнику. Но все члены *Нового Арзамаса* бессмертны. Итак, за неимением собственных готовых покойников, *ново-арзамасцы* (в доказательство благородного своего беспристрастия и еще более в доказательство, что ненависть их не простирается за пределы гроба) положили брать напрокат покойников между халдеями Беседы и Академии, дабы им воздавать по делам их, не дожидаясь потомства. Вследствие сего постановления каждый нововходящий читает панегирик одному из халдеев; а очередной председатель ответствует ему, хваля того же покойника и примешивая искусно к сим похвалам лестные приветствия новому своему другу.

10. Каждый член при вступлении своем произносит и подписывает присягу в верности. Формулу сей присяги поручено сочинить и представить на рассмотрение Общества его превосходительству *Старушке*.

11. Проект законов Общества поручено сочинить секретарю *Светлане* и также представить Обществу на рассмотрение.

Оратором избран его превосходительство *Чу*!.., а очередным председателем его превосходительство *Кассандра*. По окончании заседания члены приступили к трапезе и, кушая раковый суп, нежно вздыхали о потрохе арзамасском.

Президент *Старушка*.
Кассандра.
Эолова Арфа.
Упившийся вина духовного *Громобой*.
Недугующий *Чу*!!!
Секретарь *Светлана*.

2.

ДОСТОПОЧТЕННОМУ НОВО-АРЗАМАССКОМУ ОБЩЕСТВУ БЕЗВЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ ОТ СЕКРЕТАРЯ ОНОГО ОБЩЕСТВА СВЕТЛАНЫ

ДОНЕСЕНИЕ

Со времени возобновления Арзамаса по сие число был я одержим неким неизъяснимым недугом, который недуг и воспрепятствовал мне приступить к начертанию проекта законов[1], по данному мне препоручению от членов Нового Арзамаса, почему и прошу почтеннейших собратий моих не посетовать на меня

за неисполнение священной обязанности, ими на меня возложенной. Будут вам законы, и прекрасные законы, да не теперь.

Лето 1-е от Липецкого потопа,
от Видения месяц 1-й,
по возобновлении Арзамаса день 9-й[2].

3.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 22 ОКТЯБРЯ 1815 г.

Месяца Паздерника в 22 день по обыкновенному летосчислению 1815-го года, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц первый, в доме его превосходительства члена Кассандры, был первый ординарный Новый Арзамас.

Присутствовали
Их Превосходительства:
Старушка.
Эолова Арфа.
Кассандра.
Светлана.

В сем заседании происходило следующее:

1-е. Его превосходительством мною, то есть секретарем Светланою, читан был протокол того знаменитого заседания, в котором совершено было священное обновление Арзамаса. Их превосходительства присутствовавшие члены подписали сей протокол с некоторым трогательным жеманством; каждый смотрел на предлежащую ему бумагу глазами любовника; казалось, что он подписывал контракт с судьбою, которая в Новом Арзамасе предлагала ему все лучшие блага житейские: дружбу верных товарищей на всю жизнь, жареного гуся один раз в неделю, твердость духа в изгнании, красный колпак, сладкую вражду Беседы и прочее; но присутствовавшие члены, подписывая священный протокол, вздыхали об отсутствующих двух братиях, из коих — один, его превосходительство Чу!, вместо того, чтобы по доставшемуся ему жеребью читать очередную речь, в память покойнику, заимообразно взятому из Беседы, кряхтел уединенно в конурке своей от некоего простудного недуга, не был никем внимаем, не внимал никому и лишен был гуся, — а другой, его превосходительство Громобой, был постыдно пьян, лежа у себя дома ногами горé, а головою низу, спал нещадно и не помышлял о Новом Арзамасе.

2-е. По прочтении и подписании протокола его превосходительство член Старушка предложил Обществу проект печати[1], который и был одобрен.

3-е. Положено, чтобы для следующего заседания (несмотря на то, что его превосход.<ительством> членом *Чу*! не отпет еще избранный им покойник) назначен был очередной оратор, — почему их превосход.<ительством> присутствующие члены и приступили к избранию. Один из них его превосход. член Кассандра, покопав указательным перстом в красном колпаке, в коем таились священные ярлыки с именами, извлек очередного оратора, отсутствующего пьяного его превосходительство Громобоя, очередного ж президента, его превосходительство трезвого секретаря Светлану. Вследствие сего положено, чтобы в следующем заседании:

Прочтена была сперва очередная похвальная отходная его превосходит.<ельством> членом Чу!

Потом ответ на сию похвальную отходную его превосход.<ительством> членом Кассандрою в качестве президента. Засим члену Кассандре принять на время должность секретаря, а члену Светлане вступить в должность президента.

Его превосход.<ительство> члену Громобою читать собственную похвальную отходную.

Наконец члену Светлане в качестве президента ответствовать члену Громобою различными сладкими ласками.

NB. При сем случае присутствовавшие члены заметили, что для избежания всякой смутности, дабы секретарю не доставалось быть в то же время президентом, положено или иметь секретаря бессменного, или очередного секретаря не баллотировать в президенты. Рассуждение о сем предмете отложено до следующего заседания.

4-е. Прочтено письмо от его превосходительства Старушки, в коем он представляет членам, что читанная им формула присяги, сочинения его превосходительства члена Чу!, кажется ему совершенно удовлетворительною и что он предлагает ее Обществу на утверждение; вследствие сего:

5-е. Прочтена означенная формула присяги и всеми единогласно одобрена.

6-е. Прочтено представление от его превосходительства меня, то есть секретаря Светланы[2], который извещает почтенных друзей своих, что по причине какого-то недуга он не успел сочинить проекта законов и обещает написать на досуге хорошенькие законцы.

7-е. Его превосходительство я, то есть секретарь Светлана, от имени одержимого недугом отсутствующего его превосходительства Чу! предложил Обществу принять в число Ново-Арзамасских Безвестных Людей нового члена[3], которого имя напишется тогда, когда он получит имя. Причины, заставившие его превосходительство предложить сего члена, суть следующие:

а) Предлагаемый есть истинный уроженец Арзамаса: он содрогается при имени Беседы и ездит зажмурившись мимо Академии. б) Он оказал великие услуги Арзамасу без всяких своекорыстных видов:

1-е. Партизанил и партизанит добровольно между свирепыми и прокаженными халдеями, нападая на все их магазины, отбивая у них все их припасы и затрудняя для них всякий подвоз ума и вкуса.

2-е. Презирая опасность, наблюдает он за ними зорким оком шпиона: ни один взор, ни одна ужимка халдея не скрываются от его деятельной проницательности. Является ли халдей с грузным толстопузием деревенского старосты[4], убирается ли халдей тремя хохлами[5] — он узнает его и прилипает к нему, как мокрый лист, оторвавшийся от влажного веника в жаркой торговой бане. Под темным сводом императорской Библиотеки, на шумном толкучем рынке Английского клуба, в тесном закреслии театра, на гладких гранитных плитах набережной — везде преследует он слухом и зрением врагов Арзамаса. Он все: старик везде и нигде[6], странствующий жид, богиня Немезида — он достоин вступить в Общество под именем *Ивикова Журавля* или по крайней мере *Двух огромных рук*.

Их превосходительства присутствующие члены единогласно приняли сего почтенного человека в свое общество (говорю единогласно, потому что мнения оскотинившегося его превосходительства Громобоя — положено не спрашивать). Определено: чтобы в проекте законов как можно точнее изложена была должность нововступившего. Предварительно же назначен он бессменным внешним проказником с титулом Conservateur impartial*[7].

8-е. Непозволительная отлучка его превосходительства члена Громобоя, пьянственная его непристойность и невнимательность его к Новому Арзамасу, не извещенному им предварительно о причине его неприбытия к должности, побудили присутствовавших господ членов следующее постановление, которое и внесено будет в кодекс законов Нового Арзамаса:

а) За *одно* неявление к должности его превосходительству члену ослушнику делается жестокий выговор и на хребте его творится беззаконие.

б) За *два* неявления его превосходительство член ослушник изгоняется из Нового Арзамаса и не иначе может в него быть опять принят, как с следующим обрядом:

1-е. Он узнает стороною о назначенном дне, часе и месте заседания.

2-е. Является туда незваный без ведома членов и ожидает их прибытия в какой-нибудь отдаленной комнате так, чтобы они не могли подозревать его присутствия.

---

* Беспристрастный консерватор (*франц.*).

3-е. Собравшемуся Арзамасу, входит он в палату заседания с смирением раскаяния, на четвереньках, показывая тем, что он своим нерадением к должности совершенно оскотинился.

4-е. Тихо, без всякого шума, подымается он на задние ноги и таким образом мало-помалу доходит до человеческого образа; садится поодаль от других, на самый край стула, и не позволяет себе глядеть ни на которого из присутствующих.

5-е. По свистку президента начинает говорить самому себе надгробную речь (признав себя предварительно покойником из Беседы и на всякий случай заняв у одного из них для сохранения нужной благопристойности имя); он говорит негромко, дрожащим голосом робости и раскаяния; потом сам себе ответствует, хвалит самого себя с заметною недоверчивостию к похвалам своим; сам себе кланяется и сам за себя краснеет.

6-е. Члены между тем все сидят к нему задом, показывают величественную гордость оскорбленных сердец, холодное невнимание, часто кашляют и сморкаются, дабы заглушить голос оратора.

7-е. Во все время заседания виновный сидит в белом колпаке, молча, с потупленным взором; кашляет тихо в кулак, сморкается, спрятав голову под стол.

8-е. За ужином лишается он своего участка гуся.

9-е. По окончании ужина президент благословляет его лапкою гуся, нарочно очищенною для сего, и дарит его сею лапкою.

10-е. Тут член возрожденный начинает свободно глядеть, говорить, кашлять и сморкаться.

11-е. Поднявши голову, с гордостию гуся проходит он три раза взад и вперед по горнице, а члены между тем восклицают торжественно: экой гусь!

12-е. Заседание закончено ужином, и гусь отечественный утешил жадную утробу *Нового Арзамаса*.

Президент *Кассандра*.
Член *Старушка*.
Член *Эолова Арфа*.
Секретарь *Светлана*.
Член *Чу*… отсутствовал, но согласен.
Член *Громобой*, пьянствую, но согласен.

4.

ДОСТОПОЧТЕННОМУ НОВО-АРЗАМАССКОМУ ОБЩЕСТВУ БЕЗВЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ ОТ СЕКРЕТАРЯ ОНОГО ОБЩЕСТВА СВЕТЛАНЫ

ДОНЕСЕНИЕ

Избрание в президенты, возлагающее на меня обязанность быть восприемником очередного оратора и присоединить к его красноречивым излияниям собственные мои посильные лепетания, воспрепятствовало мне удосужиться для написания постановлений нашего Нового Арзамаса. Представляя сии причины на благорассмотрение моих почтенных сочленов, прошу их не приписывать своего беззакония моей лени или чему-либо иному. При первом удобном случае представлю им важные законы.

Светлана

Лето 1-е от Липецкого потопа, от Видения месяц 1-й, по возобновлении Арзамаса день 17, месяца Паздерника день 29[1].

5.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 29 ОКТЯБРЯ 1815 г.

Месяца Паздерника в 29 день, по обыкновенному летосчислению 1815 года, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц первый, в доме его превосходительства члена Старушки был второй ординарный Новый Арзамас.

Присутствовали
Их Превосходительства:
Старушка.
Эолова Арфа.
Кассандра.
Светлана.
Громобой.
Чу!

В сем заседании происходило следующее:

1-е. Прочтен его превосходительством мною весьма замысловатый протокол и подписан всеми членами.

2-е. Введен во святилище Арзамаса новый член его превосходительство Ивиков Журавль. Члены были довольны его привлекательною наружностью. Вид его скромен; поступь тихая и благопристойная; сей Журавль, конечно, будет с политическою исправностью таскать из болота халдейского всех тех лягушек, которых кваканье будет надоедать Арзамасу. Он с величавою скромностью сел на указанное ему место; и члены во все продолжение заседания — взглядами и словами старались изобразить то нежное чувство, которым сердца их были исполнены к новому своему другу.

3-е. Его превосходительство член Чу произнес присягу под осенением красного колпака; потом похоронную похвалу некоему милому певцу Беседы[1]; на что почтенный член Кассандра, занимавший место президента, ответствовал ему с свойственным ему остроумием.

4-е. Отрезвившийся его превосходительство член Громобой присягал в свою очередь и очистил себя от скверны беседной мастерским надгробным самохвальством, и его превосходительство я, в качестве президента, расхвалил его не на живот, а на смерть.

5-е. Читано было донесение почтенного Ивикова Журавля, и члены, внимая ему, ликовали и топорщились от умиления.

6-е. По жеребью досталось на следующее заседание быть президентом члену Чу, а очередным панегиристом беседной стервы его превосходительству Эоловой Арфе. Но его превосходительство начал было ужасно кобениться — по причине известной его толщины, ему трудненько было согласиться на принятие звания, на него возлагаемого — члены позволили ему отложить на несколько заседаний произнесение речи, а быть оратором следующего собрания взялся его превосходительство я.

7-е. Читано было несколько эпиграмматических излияний отсутствующего члена Асмодея[2], и члены, восхищенные ими, восклицали: экой черт!

8-е. Засим последовал ужин. Но увы! за ужином не было гуся, и желудки их превосходительств были наполнены тоскою по отчизне.

Ивиков Журавль.
Эолова Арфа.
Кассандра.
Чу!!!
Старушка.
Громобой.
Секретарь *Светлана.*

6.

ОТВЕТ СВЕТЛАНЫ НА РЕЧЬ ГРОМОБОЯ

Приятно для странника, скитающегося посреди песчаной Ливийской степи, журчание источника, возвещающего благость прохладной сени; приятен голос человеческий для пешеходца, заблудившегося ночью посреди болот и не знающего, близко ли, далеко ли жилище гостеприимное; весело извозчику, застигнутому зимнею вьюгою, услышать лаяние собаки или крик петуха, прилетающие в слух его из ближнего селения; отрадно в дождливую осеннюю ночь егерю, до костей промокшему, увидеть приветственное сияние огней обительных — но стократ приятнее, утешительнее, веселее, отраднее услышать звуки возлюбленного Арзамаса из той гортани, из которой доныне исходило одно хрипение Беседы; стократ утешительнее видеть красный колпак возрождения, сияющий на той главе, которая доныне была посрамлена маковым венком Беседной пакости; стократ отраднее видеть блистание арзамасской утехи в тех взорах, которые доныне были отуманены сонливостью сотрудничества! Брат усопший, брат воскресший[1], приветствую тебя! Приветствую именем моих товарищей, которые, смею сказать, менее тебя рукоплесканий достойны! Уклонясь от превратностей Беседы, они безопасно совершают течение свое в чистой непорочности Арзамаса; ты же, увязший в беседной куче, ты, барахтавшись долго посреди ее помарания, ты кажешься мне Курцием[2], бросившимся для того в сию зловонную бездну, чтобы спасти самого себя от заразы,— и ты спасен! Смертью получил бессмертие, пакостями — невинность, грязью и смрадом — чистоту и благовоние.

Друзья, последуем за ним по дороге испытания беседного — посмотрите на сию новую чистую душу; на сего непорочного отрока, стоящего на распутии, — две пред ним дороги; одна ведет к беседному растлению, другая к арзамасскому величию. Грозная невидимая судьба стоит позади сего юноши, беспечного в своей невинности и смиренно предающего себя власти вождя невидимого! С грозным словом *Благотворю гонением* ужасное божество толкает его на стезю Беседы. И начинается страшное испытание.

О какая перемена! Он был прекрасен, как белый гусь, воспитанный на лугах арзамасских; тело его было нежно; взор светел; власы развевались прекрасными черными кудрями по челу высокому; уста улыбались — вдруг тело его покрывается проказою Разрядов и волдыри коловратности славянской хребет его посыпают. Желти-на сотрудничества разливается по ланитам его. Но кто изочтет сии наросты, возникшие как сморчки дубравные на беззаконном хребту его?.. Поименуем некоторые: сей тяжкий, дрожащий ноздреватый нарост именуется *Атреем*[3]; сей скромный волдырь, приседящий оному цар-

ственному наросту, есть *розовый Черт*[4]; сия семья прыщей называется *толпою уединенных Бардов*[5] — но язык наш мог бы утомиться, когда бы захотели пересчитать все посрамительные волдыри, некогда пестрившие бренную скинию покойника. Лучше обратить свое внимание на самого его. О, как он ни поган по наружности, но душа его чиста и неприкосновенна. Друзья! Пакость Беседы принадлежит ей самой, и тот, кто ей причастен, виновен только тогда, когда, отвращаясь внутренно от сей пакости, все предает ей для некиих посторонних видов и намерений. Брат наш усопший был не таков. Рука судьбы посадила его в Беседу, а заблуждение украсило пред ним ее уродство! Сие волшебное заблуждение сделало для него привлекательною и ту поносную проказу и те отвратительные волдыри, коими опестрилась его красота, прежде столь обольстительная и чистая. Гадкий для взоров необольщенных, он казался самому себе столь же образцовым, как и «Образцовые сочинения», издаваемые любителями словесности по подписке, которая принимается у титулярного советника Василия Тимофеевича Кашкина[6]. Скажу боле: он сам с некоторым непорочным жеманством образовал сии наросты, волдыри и волдырьки, коими после украшал тело сие! Кто мог смотреть без горестной меланхолии на сего прекрасного юношу, который, округлив безобразный вышеописанный ноздреватый нарост, наименованный Атреем, сам своею рукою наклеил его на привлекательное чело свое и, вообразив, что это какая-нибудь драгоценная перла, пошел с ним в люди и чистосердечно принимал смех их за приветственное изъявление похвалы и удовольствия! О! Не будем обвинять непорочного! Повторяю: вся вина его в заблуждении! Святая искренность сопутствовала ему всюду! Он был в Беседе! Он верил окружавшим его! Увы! Окрест его были обманщики или безумцы! Одни выдавали пакости за совершенства! А для других все уродливое преобращалось в прекрасное! Один предосидел по горло в снежном сугробе и восклицал: я в шубе![7] Другой, опрокинув лукошко и загнав в него несколько тощих мышей, говорил: *Это храм славы*! *Это русские ирои*![8] Третий… Но для чего напоминать о прошедшем!

Настала минута оправдания! В неком таинственном *сне* представилось покойнику все то окаянство, в котором он был погребен заживо! И некая германская *Луиза*[9] подала ему пук очарованных гексаметров — сим опахалом смахнул он с себя комарей Беседы! Могущественное действие непорочности! В сию минуту налетел на него дух Арзамаса! — Наросты и волдыри с шумом с него посыпались, как листья, убитые мразом, с гордого дуба, и вмиг помост беседного капища покрылся его шелухою, а сам он отлетел. Напрасно дед седой[10] махал ему костяною десницею; напрасно Липецкий потопитель[11] подымал полушубу и предлагал ему на выбор: забиться ли под нее или смиренно воссесть под гостеприимным навесом его пуза — тщетные усилия! Очи его просветлели. Отлетел он при таком взывании. Беседе осталась одна шелуха преображения, ко-

торую заботливая рука седого деда, вооружившаяся помелом наследственным, подмела, дабы кто-нибудь из сотрудников грядущего времени мог получить ее в дар богатый.

И не стало его для Беседы! Уснул в пакости! Пробудился в велелепии.

Друзья! Помните ли предание древнего времени о Фениксе бессмертном? В нашем брате возобновилось чудо перерождения сей баснословной птицы! В едином токмо не сходствует он с нею — Феникс умирал Фениксом и воскресал Фениксом! Брат наш умер сердитою совою Беседы и воскрес горделивым гусем Арзамаса!

И се он, сия усопшая сова, сей гусь преображения! Брат наш! Приветствуем тебя на праге нового Арзамаса! Теки в путь свой как солнце от востока! Ты нам дороже по тем опасностям, кои тебя осаждали! Ты выдержал карантин Беседы, и грозная зараза тебя не постигла. Воссядь с нами, возлюбленный брат наш.

7.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 11 НОЯБРЯ 1815 г.

Месяца Листопада в первый надесять день, по обыкновенному летосчислению 1815 года, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц вторый, в доме его превосходительства члена Старушки был третий ординарный Новый Арзамас.

Присутствовали
Их Превосходительства:
Чу.
Старушка.
Эолова Арфа.
Кассандра.
Громобой.
Ивиков Журавль.
Светлана.

В сем заседании происходило следующее:

1-е. Его превосходительством мною прочитан был протокол прошедшего заседания, краткий, но отличающийся тем необыкновенным остроумием, которым одарила меня благосклонная судьба, и члены, глядя на меня с умилением, радовались, что я им товарищ; а я не гордился нимало; напротив, с свойственною мне скромностию принимал их похвалы за одни выражения дружбы и удостоивал друзей моих снисходительной и весьма лестной для них улыбки.

2-е. Его превосходительство я же, како новопринимаемый член, предшествующей красной шапке, был введен с церемониею в храмину заседания. Уже громозвучный Чу сидел на президентском месте: Беседа покоилась в карманном гробе, взятом заимообразно из-под домашней чернильницы; прочие члены сидели в немом ожидании. Меня ввели, и все лица просияли! Как важный гусь, подступил я к месту президентскому; красная шапка надо мною растопорщилась; и голосом приятным, которого звуки сладостно ковыряли сердца друзей моих, произнес я роковую клятву — произнес, потом сел или паче вдвинул в гостеприимные объятия стула ту часть моего тела, которая особенно нужна для сидения и которая в виде головы торчит на плечах халдеев беседных. Потом отверзлись уста мои, и начал я хвалить одного беседного покойника, одного графа, одного скотолюба, Димитрия, но не Донского, а Кубрского[1], сего лирического затейника, сего вольного каменщика бессмыслицы, привилегированного фабриканта галиматьи и заслуженного парикмахера фурий. Члены отдали справедливость моему красноречию смехом и шумными плесками. А почтенный президент Чу весьма удачно похвалил мои различные достоинства в краткой речи[2], в которой не позабыл упомянуть и о моем друге месяце[3], за что я ему вечно останусь благодарен.

3-е. Читано было краткое донесение соглядатая его превосходительства Ивикова Журавля. Его превосходительство начинает порядочно промышлять своим длинным носом в болотах халдейских. Он почти склевал одного воинствующего лягушонка[4], который своим кваканьем вздумал было оскорбить арзамасские уши: сей лягушонок уже копышется в клещах его неизбежного носа; и скоро, ввергнутый в кастрюлю примирения, будет стоять на столе арзамасского пиршества; скоро перестанет он быть жеманным волокитою, а сделается самым скромным уездным проказником.

4-е. Рассуждаемо было о том, как поступать арзамасцам с халдеями.

Положено предварительно:

1-е. Заключить перемирие, а смотря по обстоятельствам и мир, с водяными скоморохами Липецкого закоулка.

2-е. Оставить себе свободу делать набеги на халдейскую синагогу; вести войну партизанов, без всякого плана, а положив себе за правило бить халдеев при всяком удобном случае и чем ни попало.

3-е. Определить занятия Арзамаса, дабы, по отпении известного числа покойников, не сидеть самим во время собрания покойниками, а заниматься различными приятностями, читать друг другу стишки, царапать друг друга критическими колкостями и прочее.

5-е. Все это было заключено ужином. Гуся опять не было, и каждый член, погруженный в меланхолию, шептал про себя:

Где гусь? — *Он там*! — *Где там*? — *Не знаю*![5]

СОДЕРЖАНИЕ

Первый полутом

<ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИКА>

Муратовская вошь 9 621
<Программа, писанная рукою В. А. Жуковского> 11 624
Муратовский сморчок 12 625

АРЗАМАССКИЕ ПРОТОКОЛЫ И РЕЧИ

1. Протокол организационного заседания 15 627
2. Донесение <…> от Светланы 18 628
3. Протокол заседания 22 октября 1815 г. 22 629
4. Донесение <…> от Светланы 22 629
5. Протокол заседания 29 октября 1815 г. 22 630
6. Ответ Светланы на речь Громобоя 24 630
7. Протокол заседания 11 ноября 1815 г. 26 631
8. Речь Светланы 28 632
9. Протокол заседания 18 ноября 1815 г. 31 634
10. Протокол заседания 25 ноября 1815 г. 34 635
11. Протокол заседания 16 декабря 1815 г. 36 636
12. Протокол заседания 24 декабря 1815 г. 38 646
13. Протокол заседания 24 февраля 1816 г. 39 636
14. Протокол заседания в первой половине марта 1816 г. 40 637
15. Речь Светланы члену Вот, лежащему под шубами 42 638
16. Протокол заседания 15 марта 1816 г. 43 639
17. Речь, читанная при вручении диплома господину историографу в конце марта 1816 г. 46 639
18. От Арзамасского общества безвестных людей 47 640
19. Протокол заседания 24 декабря 1816 г. 48 640
20. Речь В. А. Жуковского при возвращении к обязанностям секретаря Арзамаса 49 641
21. В Общее собрание Нового Арзамаса <…> всепокорнейшее завывание . . . 52 643
22. Протокол заседания 13 августа 1817 г. 54 644
23. Прощальная речь Жуковского на заседании 18 сентября 1817 г. 55 644

О новой книге [Паррота: Entretiens sur la Physique] 57 645
Путешествие по Саксонской Швейцарии (в 1821) 60 646
Отрывки из писем о Саксонии 68 649
Отрывки из письма о Швейцарии 77 657

ДЕТСКИЕ СКАЗКИ

Волшебница 87 663
Рауль синяя борода 88 663
Колючая роза. 91 664
Братец и сестрица 93 665
Милый Роланд и девица ясный свет 96 666
Красная шапочка 97 667

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

Проект плана учения <…> Наследника Цесаревича 100 668
План учения Его Императорского Высочества…
Цесаревича Александра Николаевича 104 671
<Педагогические речи> 122 680

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

Введение в Историю Государства Российского 126 681
Черты Истории Государства Российского 150 692
История Государства Российского 172 704

О короновании Государя Императора Николая Павловича в Варшаве 215 708

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ

Собиратель

№ 1

Отрывки

I.
Взгляд на мир и на человека 218 714
II.
Смерть Адама 220 714
III.
Польза Истории для государей 222 714
IV.
Климат физический и нравственный 223 715

Выписки

I.
Ничтожность человека на земле 223 716
II.
Памятники 224 717
III.
Поэзия 224 717

IV.
Предание 226 720
V.
Письмо 227 720
VI.
История 227 716

Собиратель

№ II

Отрывки

I.
Человек 228 721
II.
Природа, преобразованная человеком 229 722
III.
Общество человеческое, преобразованное христианством 231 722
IV.
Gott und Natur 232 723
V.
Смертный и боги 234 723
VI.
Полтавский бой 235 723
VII.
Мысли, заимствованные из древних и новых классиков 239 724

Выписки

I.
Человек предмет истории. Воспитание рода человеческого.
Достоинство человека 241 725
II.
Природа человека и его отношения 242 726
III.
Породы и степени гражданственности 244 727
IV.
Уважение древних римлян к земледелию 246 729
V.
Homer 247 729
Lycurg 247 729
Thésée 247 730

Муравейник

№ I

Взгляд на землю с неба 248 733
Цид. Извлечение из древних романсов испанских 253 734

I. Цид в царствование короля Фердинанда 253 734
Le sort commun des hommes 261 736
Обращение Нортумберландии в христианство. Из древней хроники 262 736
Изображение аравитян. Из Фирдузи 263 736
Разговор Магометова праотца с неприятельским военачальником 263 737
Le langage des oiseau 263 737
Нас семеро I 264 737
Нас семеро II 265 737
Фридрих II 266 738
Разговор деда с внуком 266 738

№ II

Письмо к издателю 267 738
Цид II 272 740
Смерть Адама 278 741
Le lever du soleil au sommet de l'Etna. Fragmens d'un voyage en Sicile 278 741
Суворов на Сен-Готаре 279 741
Голодный аравитянин 280 742
Les seintes images 280 742
Пери и ангел 281 742

№ III

Способ обратить добродетель в привычку. Отрывок из записок Франклина 283 742
Перчатка 289 744
L'Etna. Fragmens d'un voyage en Sicile 291 744
Любовь к Отечеству 292 745
Les catacombes de Rome 292 745
Описание Алгамбры в древней Гренаде 293 745
Les arabes 294 746
Неожиданное свиданье. Быль 295 746
Надгробная песнь Регнера Лодброга 297 747
Две загадки 298 748

№ IV

Две были 299 748
О Петре Великом (Извлечено из чтения «Русской старины») 308 748
Спор 309 749
Замок на берегу моря 310 749
Два явления 311 749

№ V

Александр Невский 311 750
Сражение с змеем 312 750

Аристодем 316 751
Наставление Ментора Телемаку 316 752
Остров. 317 752
Каннитферштан. Быль 318 753
Песнь Регнера Лодброга 319 753

ПРОЗА 1830-Х ГОДОВ

Две Всемирные Истории. Отрывок письма из Швейцарии 322 753
Воспоминание о К. К. Мёрдере 327 759
Воспоминание о торжестве 30 августа 1834 года. 329 763
Письмо Карамзина к графу Каподистрия 333 768
Последние минуты Пушкина 338 772
Пожар Зимнего дворца 347 782
Очерки Швеции 357 793
Бородинская годовщина 362 796

ПРОЗА 1840-Х ГОДОВ

<О бракосочетании наследника> 368 799
О смерти. Из письма к Н. В. Гоголю. 371 802
О молитве. Письмо к Н. В. Гоголю. 373 804
О внутренней христианской жизни 380 809
Самоотвержение власти 391 816
Нечто о привидениях 392 818
Что будет? 404 826
Письмо Русского из Франкфурта 406 828
Письмо к кн. П. А. Вяземскому о его стихотворении «Святая Русь» 407 829
О происшествиях 1848 года. Письмо к графу Ш-ку 414 838
Энтузиазм и энтузиасты 431 853

Отрывки

I. Христианская философия

Истина. 432 872
Вера 433 874
Промысл 438 876
Закон и грех 441 877
Плоть — дух 442 878
Таинство Причащения 443 880

II. Философия

Наука 448 884
Аксиомы 451 886
Две философии 452 887
Философический язык 452 887

Идея бытия 455 890
Свобода 456 890
Твердость и упрямство 456 891
Благотворение 457 891
Несчастие 457 892
Надежда 458 894
Случай 458 895
Воспоминание 458 896

III. Воспитание

Что такое воспитание? 460 897

IV. Искусство

Об изящном искусстве 463 899
История и историческая живопись 465 899

V. Мысли и заметки

Душа человеческая и род человеческий 467 902
Свобода преподавания 467 902
Цензура 468 903
Сила человеческая 468 904
Человек в обществе 469 905
Общее благо 469 905
Порядок общественный 470 906
Постановления 470 906
Любовь к отечеству 471 907
Государь и человечество 471 908
Терпеливость царя 471 908
Дисциплина 472 908
Деспотизм 472 909
Учение и действие 473 909
Самодержавие 474 910

О смертной казни 477 911
Русская и английская политика 480 919
Иосиф Радовиц. Биографический очерк 490 929
По поводу нападок немецкой прессы на Россию 515 935

ИЗ ЧЕРНОВЫХ И НЕЗАВЕРШЕННЫХ РУКОПИСЕЙ

Académie des curieux impertinents 518 938
Прозаические басни 552 943
Библейские повести 556 947
Анекдоты 561 951
<Мысли о воспитании> 563 952

<Голик и золото> 565 955
<Запись в альбоме великого князя Александра Николаевича> 565 956

Материалы, относящиеся к «Собирателю»

1. Свет и любовь 568 960
2. <Тимолеон> 569 960
3. <Эпаминонд и Пелопид> 570 962
4. <Речь философа Аполлония> 573 962
5. Подмосковная деревня 575 963
6. <Русский Государь должен быть предпочтительно русским…> 576 964
7. <Фундаментальное правило поступков> 577 964
8. <Бывают смутные времена…> 578 964
9. <Власть Государя не надежна…> 579 965
10. <Что такое любовь к Отечеству?> 580 966
11. <Что такое общее мнение…> 581 966
12. Дух времени 582 966
13. Мысли, заимствованные из древних и новых классиков 584 966
14. Выписки 584 967
15. <Смертный! смерти учись на могиле вечного града…> 584 967
16. <Евреи находят замечательные памятники…> 584 967
17. <Установления, институции суть не ограничение, а свобода государей> 585 967

Неизданный конспект по истории 586 968
Обозрение Всемирной истории 590 972
Обозрение поведения и прилежности в учении в последние полгода 1828-го 593 974
Завещание Жуковского 25 июня 1831 года 596 975

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. С. Янушкевич. Особенности прозы Жуковского 1810—1840-х годов 603
Преамбула к примечаниям 614
Примечания 621
Условные сокращения 989
Указатель имен 995